

Здравствуй, читатель!

Шесть недель «Роза ветров» не появлялась на страницах «ММ». Авторы были в отпуске и очень рады, что вы без них скучали. По многочисленным телефонным звонкам можно сделать вывод о том, что в ваших сердцах, несмотря на циничный материализм нынешнего времени, еще сохранился уголок, свободный от мелочных забот и потребительского примитивизма, что нет-нет, да и поворачиваем мы голову к истокам духовной культуры народа, к его традициям, обрядам, верованиям.

«Не хлебом единым жив человек», — утверждает народная мудрость. Хлеб духовный: история, религия, природа, музыка, творчество — не менее необходимы нам.

«Роза ветров» в 1994 году продолжит свои рубрики «Свет на пути», «Благовест», «Народный календарь», «Пласты истории», «На грани фантастики», «Коран»...

БЛАГОВЕСТ

Христианские праздники

МАГНИТОГОРСКИЙ МЕТАЛЛ

4

Февраль
25 (12) — Праздник Иверской иконы Божьей Матери

Март
2 (17 февраля) — Память священномученика Гермогена (Ермогена), патриарха Московского и всея Руси (1612)

13 (28 февраля) — Прощенье воскресенье
С 14 (1) марта и по 30(17) апреля — Великий пост

Апрель
7 (25 марта) — БЛАГОВЕЩЕНИЕ — Память святого Тихона, патриарха Московского и всея Руси (1925)

24 (11) — ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ — ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Май
1 (18 апреля) — ПАСХА, ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО
6 (23 апреля) — Память великомученика Георгия Победоносца (303)

— Иконы Божией Матери «Животный источник»
15 (2) — Мучеников благоверных князей Бориса и Глеба, в крещении Романа и Давыда (память перенесения их мощей в 1072 и 1115 гг.)

16 (3) — Память преподобного Феодосия, игумена Киево-Печорской лавры (1074 г.)

22 (9) — Святого и чудотворца Николая, архиепископа Мир Ликийских (память перенесения мощей из Мир Ликийских в Бар, в 1087 г.)

24 (11) — Равноапостольных Мефодия (885) и Кирилла (869), славянских просветителей — Праздник славянской письменности.

КОРАН

Мусульманский пост — Ураза

Бисмилляхи-р-рахмани-р-рахим!

12 февраля, в первый день лунного месяца **рамазан**, начался большой мусульманский пост — **Ураза**. Продлится он тридцать дней и считается обязательным для всех взрослых, здоровых и ритуально чистых мусульман. Ритуальная чистота в исламе — **тахара** — имеет очень важное значение при совершении религиозных обрядов. Тахара сводится не только к поддержанию внешней чистоты и опрятности, но также означает освобождение от всего оскверняющего. Освобождаются от соблюдения уразы только беременные, кормящие и больные женщины, дети, престарелые и все те, кто не может соблюдать пост по объективным причинам, например, люди, занятые тяжелой работой, военные, путешественники... Если мусульманин временно освобожден от поста или нарушил его случайно, он должен поститься после окончания месяца рамазан недостающее количество дней.

В отличие от христианства в исламе нет посредников между Аллахом и человеком, отсутствует и духовенство в христианском понимании этого слова — то есть духовенство не имеет права «отпускать» грехи верующему от имени Бога. Мусульманин должен сам отвечать за все свои грехи. Пост во время месяца рамазан считается лучшим средством искупления грехов, совершенных в течение года.

Мусульманские богословы трактуют пост как средство для обуздания страстей, порожденных животным началом в человеке. Во время поста, считают они, верующие, концентрируя волевые усилия, освобождаются от инстинктивных пороков и совершенствуют в себе человеческое духовное начало. Благодаря воздержанию, говорят они, человеческая натура облагораживается.

30-дневный пост во время рамазана связан с упоминанием в Коране о том, что именно в этот месяц Аллах через архангела Джабраила ниспослал пророку Мухаммеду в виде откровения духовное учение ислама:

«О те, которые уверовали! Предписан вам пост, так же, как он предписан тем, кто был до вас, — может быть, вы будете богобоязненны — на считанные дни, а кто из вас болен или в пути, то — число других дней. А на тех, которые могут это, — выкуп накормлением бедняка» (II, 179, 180). Далее говорится: «ешьте и пейте, пока не станет различаться белая нитка и черная нитка на заре, потом выполняйте пост до ночи» (II, 183). Это важная особенность мусульманского поста: поститься необходимо в светлое время суток, ночью есть пить и приходить к женам разрешено. Но от зари до заката, помимо принятия воды, пищи и супружеской близости запрещается курить, вдыхать ароматные запахи, закапывать капли, задерживать отравления кишечника, пускать кровь и ставить банки. Не считается нарушением поста, если человек принимает пищу не намеренно.

Вечером, после заката постящийся должен принять **фатар** — легкую пищу, вторая еда — **сахур** — принимается перед возобновлением поста на заре. В нашей стране вечерний обряд приема пищи мусульмане называют **афтар**. Обычно на него приглашают родственников и близких, соседей, сослуживцев. Считается, что мусульманин, устроивший угощение, может рассчитывать на прощение грехов и место в раю. Во время афтара читается Коран, рассказывается о деяниях Аллаха, пророка Мухаммеда и происхождении поста.

Во время поста верующий стремится целиком посвятить себя размышлениям об Аллахе и его откровении. Мусульмане проводят много времени в молитвах, слушают проповеди в мечети, возносят хвалу Аллаху и молят его о прощении. В дни уразы-рамазана очень набожные люди прибавляют к пяти обычным молитвам еще одну, совершаемую вечером.

Материал подготовлен при содействии председателя мусульманской общины Магнитогорска Анвара Рахимовича АБДУЛБАРОВА

СВЕТ НА ПУТИ

Предлагаем вашему вниманию материал Юрия Петровича КУДРЯШОВА, специалиста по компьютерным системам завода «Марс». По жанру — это, скорее всего, зарисовка, но зарисовка необычная, не информационно-газетная. Это как бы зарисовка видения или сновидения, где реальное и ирреальное слиты в удивительный сплав. Можно назвать это ясновидением или видением духовным, предвидением. Это похоже на пророческий, аллегорический сон...

В начале своего материала автор сделал приписку-посвящение: «Сыну моему».

Радуга

Сын мой! Жизнь многопланова и поэтому сложна. Она как многослойная переводная картинка. Зацепишь ноготком одну бумажку, отлепишь ее и видишь одну картинку. А твой друг зацепил сразу две бумажки, отлепил их и увидел другую картинку. И долго вы будете спорить, кто правильнее увидел жизнь.

Картинка сразу открывается глазам: можно рассмотреть все ее кусочки. Но если заедешь в горную долину утром, когда еще стоит туман, то из него силуэты скал, деревья выступают постепенно. Те, что близко, видны отчетливо, те, что поодаль, — еще в дымке тумана, нечетки, колеблются в серо-голубой пелене. Вглядываешься в туман, и вдруг видишь: в кустах стоит медведь и смотрит на тебя. Подъезжаешь ближе — нет медведя, это те же кусты, только туман их окутал так, что за ними чудится медведь.

В жизни часто так бывает: за одним видением, туманным силуэтом, по мере приближения прорисовывается реальная жизнь: скала, дерево — и мираж-видение рассеивается, и нет страшного медведя. Научись различать видения и миражи. Это очень важная способность — различения, особенно важная на крутых жизненных подъемах и спусках.

Несколько горных вершин мы с тобой уже одолели. Под нами и вдали расстилалась зеленая-голубая Земля — взгорки, перелески и дорога между ними. Дорога в солнечных лучах блистала, как река, и катилась по ней маленькие жучки-машины. В туманной дымке вдали посверкивали глади озер, их было много и слева, и справа, и впереди. Земля дышала теплом и уютно, и нам было хорошо и спокойно сидеть на вершине горы и внимать ласковому дыханию Земли. Мы как будто упирались головами в огромный голубой купол — над нами, над всей Землей

сияло Небо. Мы попили чай из термоса вприкуску с конфетками и неторопливо обменялись наполнявшими нас впечатлениями над ртутным разливом озер-соседей — Банного и Чебацкого.

Поднимались мы и на другую гору в ряду того же горного хребта. В распадке ее двугорбой овальной вершины, куда мы заползли на четвереньках, открылся провал — глубокая горная долина. Припав к скале, мы осмелились только поднять головы навстречу шквальному ветру, который гудел между скалами-столбами, и заглянули в открывшуюся нам глубину. Солнце пробивалось сверху сквозь воздушную массу, до самого дна долины. Между горью, заросшее темно-зеленым ельником, поднималось и сужалось, уходя вдаль. Но под нами оно раскинулось широко, и орел парил неподалеку, ниже нас.

Тревожный и восторженный внутренний холодок вместе с порывами холодного ветра вытеснял наш душевный покой, пугал и притягивал. Судорожно слотнув плотную вату воздуха, которую ветер забивал нам в горло, мы сползли обратно за скалу, не отводя глаз от грандиозного видения. Ошарашенно и молча отсидевшись минутку за надежной стеной скалы и быстро, не оглядываясь, мы стали спускаться на равнину.

Но это было год назад, и еще год назад...

А в этот раз мы с тобой поднимаемся на округлую, покрытую жесткой щетиной травой гору. Эта гора высится по другую сторону Банного озера. У ее подножья разбросаны здания дома отдыха «Кусимово». Теперь те вершины, на которых мы с тобой были, тот горный хребет, по которому прошли, лежал напротив нас, за озером. Воспоминания о них тоже отдалены, как и сами горы. Туман времени уже прикрывает их.

Поднимаясь в гору, мы время от времени останавливаемся, поворачиваемся лицом к озеру и противоположному горному хребту, всматриваемся в них и снова продолжаем медленно шагать к вершине. Солнце стоит высоко и согревает наши спины, легкий ветерок освежает лица. Мы дышим глубоко и сосредоточенно.

Спокойная мужская работа подъема в гору

неожиданно прерывается каким-то вскриком-призывом из-за спины. Мы резко повернулись лицом к озеру. Призыв еще раз прозвучал сверху, с небесного купола, висящего над горами и озерами. Вдруг справа от нас голубой купол неба начали прочеркивать белые дугообразные штрихи. Одна дуга, вторая, третья... пятая... седьмая. Белые штрихи дуг — одна выше, другая ниже, разных радиусов. Они вперехлест прочеркиваются белыми штрихами, как наметки: «идите!»

И вот белые прочерки начали насыщаться цветом, наливаясь, полниться. Красная дуга, дуга зеленая, желтая, фиолетовая... Все цвета радуги, но вразброс одноцветных дуг. Разноцветье в небе напрягается, трепещет... и одно-моментно гаснет.

В этот же момент слева от нас голубое небо снова начинает наполняться белыми штрихами дуг. И снова наливаются, насыщаются цветом. Снова, напрягаясь, трепещут. И исчезают, сменяясь новой гроздью белых прочерков. Эти гроздьи разгорались над нами как купола лучезарных городов. Они появились то слева, то справа, то поодаль, то вблизи. И наши души наполнялись криком ликования. Это длится уже несколько мгновений. И радостное напряжение души становится болезненным: «Ну, что же? Мы ждем!»

Под сполохами лучезарных куполов спокойная ширь горной долины, разлитая двумя озерами, напряглась: горные гряды начали сближаться и стали теснить долину и озера в ней. Опал лучезарный свет. Радуги пропали. Воздух спустился и наполнился спокойной энергией. Горы же, напротив, надвигались на нас, стали подниматься; долина забурлила стесненной водой. Слили два озера в один полноводный поток, и он устремился к югу. Напротив нас все выше встают скалы. Справа, из-под фигурного бока горы, на которой мы с тобой стоим, показался нос корабля. Мы знаем, что это наш корабль. Нам плыть на нем вперед, к неведомым землям. Таков ЗОВ, таково ПОВЕЛЕНИЕ.

Горная скалистая гряда напротив не пугает нас. Серые, высокие, почти отвесные скалы стоят перед нами по ту сторону потока. В распадках скал мы с тобой начинаем различать вертикальные башни строения, куда выше них спрятавшихся мужчин: высоких, длиннотелых, в длинных серых одеждах, с непокрытыми длинными волосами. Они молчат и пристально смотрят на нас. Мы чувствуем, что это их суровая воля перетекает в нас, подвигая к спуску с горы.

Мы начинаем спускаться к приближающемуся кораблю... С силой бьется серая вода о скалистый берег. Белая пена шапкой оседает на камнях, брызги долетают до наших лиц.

Вдруг из-за наших спиں выбежал человек: черты лица его стерты, белесы. Торопясь и оступаясь на скалах, он помчался к воде, опережая нас. Это СКЕПТИК — человек, который не верит. Он кричит, кричит скрытым ртом, кричит, захлебываясь, а потому беззвучно — мы слышим его «внутренним ухом»: «Эти близкие высокие скалы — мираж! Этот поток — мираж! Нет никакой стремнины и нет корабля! Вам некуда плыть! Все стоит! И там, куда вы стремитесь, ничего нет! Я докажу, я докажу, что это мираж!» Вот он уже на краю потока и с разбегу, с камня бросается в воду.

Легкий — в грудь — толчок сомнения заставляет нас мгновенно остановиться: что будет? А если, действительно, прорвется сейчас рисованный холст миража...

Но... Вперед! На корабль и — вперед!

Странное открывается нашим глазам. Картина видения раздваивается, накладывается одна на другую. Скелетик встает посреди лужи спокойной озерной воды, стоит по колени в воде, с ног до головы облепленный тиной, смешной и жалкий. Однако в лице его растерянность — при всей видимости своей правоты он ничего не доказал. Вокруг его лужи по-прежнему пенится и ревет стремительный поток! И наш корабль приближается к нам. И это тоже реальность, наша реальность, как его реальность — лужа...

Мы с тобой шагнули на корабль.